

В заключении хочется отметить, что книги государственной регистрации смерти, заменившие церковные метрики, являются источником по изучению информации социальной истории населения отдельных населенных пунктов. Это ряд важнейших вопросов не только по демографии, но и других аспектов исторических реалий, также хочется упомянуть о том, что записи акта о смерти дают богатейший материал для родословных исследований. В рамках этой статьи я пыталась продемонстрировать насколько важным, информативным источником является актовая книга смерти.

Я. А. Мурзинова

Российский государственный профессионально-педагогический университет

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДВОРЯНСКОГО ИМУЩЕСТВА НА УРАЛЕ В 1920-е гг.

Революция 1917 г. нанесла огромный ущерб дворянской культуре. В результате проведенной большевиками национализации значительная ее часть в виде предметов искусства и книжных собраний утратила связи со своими владельцами, что серьезно затрудняет их изучение. На Урале, где процессы национализации дворянского имущества проходили в основном в 1920-е годы, восстанавливать эти связи еще сложнее, т. к. многие источники были утрачены или еще не выявлены. Попытаемся определить некоторые группы источников, необходимых для изучения данной темы.

Прежде всего, нужно четко представлять позицию новой власти после 1917 г. по этому вопросу. Уже один из первых ее декретов, «О земле», устанавливал, что все дворянские имения со всем имуществом переходят в распоряжение земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов¹. Тем самым было положено начало передаче имущества дворянских сословных учреждений соответствующим земским самоуправлениям. Последующие декреты отменяли все сословные деления и привилегии, чины и титулы², а также право наследования, согласно которому после смерти владельца все его имущество становилось государственным достоянием³. В 1920 г. был издан еще один декрет – «О реквизициях и конфискациях», которым определялось, какие государственные органы могли производить отчуждение личного имущества. Шестой пункт декрета гласил, что «реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды и пр.) воспрещается», кроме особых

---

¹ О земле: Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26.10.1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://собрание.узаконений.рф/19171918-1942.pdf> (дата обращения: 14.02.2017).

² Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов // История делопроизводства в России: хрестоматия / Сост. Е. П. Пирогова. Екатеринбург, 2014. С. 145–146.

³ Об отмене наследования: Декрет ВЦИК от 27.04.1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 34. Ст. 456 [Электронный ресурс]. URL: <http://собрание.узаконений.рф/19171918-1942.pdf> (дата обращения: 14.02.2017).

случаев, связанных с острой необходимостью в этих вещах государственных учреждений¹.

О том, как эти декреты на практике реализовывались на Урале, сохранилось мало документов. В какой-то степени, это можно представить по аналогии с описанными в литературе примерами из других губерний. Так, в 1918 г. в Пензенской губернии была организована земельная коллегия и при ней отдел по ликвидации частновладельческих имений. Задачей коллегии была ликвидация имений, которые объявлялись всенародной собственностью. Как считает историк Л. В. Рассказова, с организацией земельных отделов и комитетов новая власть взяла под свой контроль «уничтожение усадеб как хозяйственных единиц»². Другой пример касается разорения имений в Череповецком уезде, также вызванный действиями местных властей. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что «вся мебель, все хозяйственные постройки, все запасы зерна, муки распродавались за бесценок, отдавались в аренду, передавались по акту частным лицам и государственным учреждениям»³. На местах помимо специальных комиссий по изъятию создавались «секретные руководящие комиссии», которые руководствовались секретными циркулярами⁴. Процесс изъятия предметов домашнего хозяйства среди других конфискационных мероприятий большевиков является наименее изученным: «в ходе изъятия личного имущества иногда не составлялось никакой описи и потому невозможно выяснить, что же действительно было изъято в пользу властей, а что присвоено теми, кто проводил конфискацию»⁵. В связи с этим и возникают проблемы выявления документов.

Как эти процессы проходили на Урале, можно проследить на примере реквизируемых дворянских библиотек. В губернской Перми и в уездном Екатеринбурге большая часть их свозилась на специальные склады, откуда они перераспределялись по музеям и общественным библиотекам. Особого порядка в их учете и распределении, по мнению историка уральских библиотек Е. П. Пироговой, не было: «склады были переполнены, не хватало времени, квалифицированных работников...». Она приводит документы о том, как книги «беспорядочно свозились отовсюду из брошенных имений и домов на городские склады, расхищались, часто уничтожались». При этом историк утверждает, что, несмотря на то, что национализация дворянского имущества носила разрушительный характер, она все же дала толчок для пополнения собраний действующих музеев и библиотек, и для создания новых. Так в Екатеринбурге фонд библиотеки им.

---

¹ О реквизициях и конфискациях: Декрет СНК от 16.04. 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 29. Ст. 143 [Электронный ресурс]. URL: <http://собрание.узаконений.рф/1920-1943.pdf> (дата обращения 14.02.2017).

² Рассказова Л. В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие. М., 2010. С. 45.

³ Цит. по: Ципилева И. Судьбы дворянских усадеб Череповецкого уезда (района) и их владельцев в 1917–1930-х годах // Вовлекая в творчество. Вологда, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/usadba.new/world/16.5.01.htm> (дата обращения 14.02.2017).

⁴ Станкевич А. С. Цикляр ВЦИК 1922 г.: проблема выявления скрытой информации источника // История России: по материалам массовых источников: тез. докл. науч. студ. конф. ист. фак. 25 апреля 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 26.

⁵ Харченко К. В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. М., 2000. С. 185.

В. Г. Белинского с 1917 по 1924 гг. вырос «более чем на 22 тыс., составив 107 741 книгу»¹.

Действительно, помимо декретов о национализации имущества Советской властью был издан ряд декретов, призванных сохранить памятники прошлого. Этой работой занимался Отдел по делам музеев и охране памятников Наркомпроса. В 1918 г. вышел Декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Согласно этому декрету, работы по регистрации и выявлению памятников, подлежащих учету, возлагались на комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины². В 1923 г., в дополнение к этому, вышел декрет, который постановлял произвести перерегистрацию отдельных памятников искусства и старины³. На Урале достаточно долго не было центрального органа, который занимался учетом и охраной памятников прошлого. Это объяснялось отрывом от центрального региона и мнением, что в крае памятники старины отсутствовали. В Екатеринбурге и Челябинске местные музейные секции ограничивались работой по руководству музеями и ничего не предпринимали для выявления и взятия под охрану памятников прошлого⁴. Только в 1926 г. была организована постоянная Комиссия по охране памятников природы, старины, искусства и народного быта, которая действовала под председательством заведующего УралОНО профессора Я. Истомина. Примером ее работы служит документ, сохранившийся в архиве Свердловского областного краеведческого музея: это акт, подписанный «на основании мандатов от 17 июня 1926 года» членами Комиссии Л. М. Каптеревым и В. И. Будриным с целью «взять на учет в Симеоно-Аннинской церкви Сысертского завода следующие предметы...». А далее в документе перечислены: «1) одиннадцать картин (лубок) – месящеслов, гравированных Григорием Тапчегорским в 1713-м году; 2) в алтаре северного придела икона Богоматери на холсте, в золоченой раме, приписываемая Бенвенуто Граффоло, ученику Рафаэля; 3) в алтаре южного придела другой экземпляр той же иконы, но на дереве, в черной, деревянной раме и с медной мемориальной пластинкой». И далее в акте говорилось о том, что «названные предметы не могут быть ни подновлены (ремонтированы), ни уничтожены, ни переданы в другое место без разрешения Комиссии...»⁵ По сведениям Е. П. Пироговой, все они позднее, после закрытия церкви, будут изъяты и переданы в художественный отдел краеведческого музея.

Результатом многочисленных «перемещений» художественных коллекций, библиотек, документов, частных архивов и собраний стало их распыление,

---

¹ Пирогова Е. П. К истории уральских библиотек (конец XIX – первая треть XX вв.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 129.

² О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений: Декрет ВЦИК от 05.10.1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794 [Электронный ресурс]. URL: <http://собрание.узаконений.рф/19171918-1942.pdf> (дата обращения 14.02.2017).

³ Об учете и регистрации предметов искусства и старины: Декрет ВЦИК от 08.03.1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 20. Ст. 245 [Электронный ресурс]. URL: <http://lawru.info/dok/1923/03/08/n1204830.htm> (дата обращения 14.02.2017).

⁴ Кругликова Г. А. Государственная политика и деятельность местных органов власти в отношении памятников архитектуры в 1920-е гг. (по материалам Урала) // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 37.

⁵ Архив СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 102.

утрата связей между объектами культуры и их носителями (владельцами), что серьезно затрудняет изучение, атрибуцию этих объектов и, в конечном итоге, не позволяет создать полноценную картину огромного вклада в культуру России провинциального дворянства¹. Перед Советской властью не стояла задача сохранить память о прошлом, поэтому не был четко организован учет национализированного имущества. Переосмысление прошлого сегодня требует изменить такое отношение к историческому наследию нашей страны. Необходимо продолжить выявление источников, позволяющих изучать, в частности, культурное наследие российского дворянства.

А. А. Кочкина

Нишнетагильский государственный социально-педагогический институт

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНО КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Относительно недавно художественное кино вошло в «арсенал» исторических источников, поэтому вопрос об источниковедческом анализе игрового кинематографа нельзя считать решенным. В то же время исследователи отмечают «визуальный поворот» в гуманитарных науках, проявляющийся в последние два десятилетия². Он связан с изучением визуальных объектов культуры, рассмотрением предметов искусства наравне с текстовыми источниками. В связи с расширением источниковой базы исторической науки возникает необходимость овладения новыми методами исследования. Поэтому рассмотрение существующих подходов к анализу и интерпретации художественного кино представляется актуальным.

Среди основателей научного подхода к художественному кинематографу называют зарубежных историков М. Ферро, П. Смита, Р. Росенстоуна³.

Французский историк Марк Ферро одним из первых начал говорить об игровом кино как историческом источнике. В 1993 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована его статья «Кино и история»⁴. Методика Ферро предполагает несколько этапов: анализ киноматериала, анализ содержания кадров (костюмы, предметы интерьера), аналитическая критика фильма.

---

¹ Пирогова Е. П. Музейные фонды Урала и Западной Сибири как источник изучения духовного наследия российского провинциального дворянства: к постановке проблемы // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред. : Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. Омск: Издат. дом «Наука», 2016. С. 405.

² Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 163.

³ Волков Е. В., Пономарева Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. №10 (269). С. 23.

⁴ Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. №2. С. 47–57.